АЛЬМАНАХ КАФЕДРЫ КУЛЬТУРОЛОГИИ
И ЦЕНТРА ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРЫ ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

STUDIA CULTURAE

Выпуск 14

TERRA ITALIA

ББК 87

Редакционный совет:
Ю. Н. Солонин — председатель,
Л. Е. Артамошкина, А. В. Бодров, Б. Гарильо,
П. Караццато, Ю. С. Ошемкова — члены редакционного совета,
Ж. В. Николаева — ответственный редактор выпуска;
Е. Г. Соколов — ученый секретарь

Печатается по рекомендации Ученого совета
философского факультета
Санкт-Петербургского государственного университета

Studia culturae. Вып. 14**. Terra Italia.** Альманах кафедры культурологии и Центра изучения культуры философского факультета С.-Петерб. ун-та**. —** СПБ.: Изд-во С.-Петерб. ун-та. 2012. — 320 с.
ISSN 2225–3211

В альманах вошли доклады участников итало-российской конференции «Италия объединенная: 150 лет опыта», прошедшей в октябре 2011 г., организованной совместно философским и историческим факультетами СПбГУ, а также статьи авторов, читающих основные курсы образовательной программы «Культура Италии» философского факультета. Все тексты публикуются на русском и итальянском языках.

Материалы, изложенные в сборнике, предназначаются студентам-культурологам, философам, историкам и всем, кто интересуется культурой Италии.

ББК 87

Печатается без издательского редактирования

ISSN 2225–3211

© Авторы статей, 2012
© Санкт-Петербургское философское общество, 2012
© Центр изучения культуры, 2012
© Издательство С.-Петерб. ун-та, 2012

ОТ РЕДАКТОРА

С 2009 г. на философском факультете Санкт-Петербургского государственного университета, в соответствии с принципами европейской системы и традициями культурологических образовательных программ факультета, реализуется новая образовательная программа в рамках специальности «Культурология». Практическая возможность создания новой учебной специализации обсуждалась и конкретизировалась на философском факультете в течение 2006–2008 гг., в результате чего к имеющимся и успешно реализуемым программам изучения ведущих региональных мировых культур добавилась и сразу же привлекла к себе внимание абитуриентов, научного сообщества и различных организаций еще одна — «Культура Италии». Вдохновителем и идеологом создания новой образовательной программы выступил Юрий Никифорович Солонин — заведующий кафедрой культурологии и декан философского факультета в те годы.

Для преподавания в рамках нового учебного плана и консультаций по составлению программ курсов приглашены ведущие преподаватели Санкт-Петербургского государственного университета, академических институтов Италии и России. С 2009 г. образовательная программа поддерживается МИДом Италии, предоставляющим лекторов и преподавателей итальянского языка, сотрудничает с Генеральным консульством Италии и Институтом итальянской культуры, несколькими итальянскими университетами и культурными ассоциациями.

Основными элементами учебного плана образовательной программы являются: детальное изучение теоретических аспектов культур на территории Италии с древнейших времен до наших дней; углубленное изучение итальянского языка, в том числе в профессиональной сфере; изучение истории, философии, религии, искусства и традиций данного региона; изучение политических, экономических, социальных и повседневных реалий страны.

Научно-практическая деятельность образовательной программы развивается по следующим направлениям:

— создание и чтение новых базовых и специальных курсов, подготовленных ведущими специалистами СПбГУ и других российских и итальянских академических и прикладных организаций. Список дисциплин специализации и авторы приводятся в Приложении;

— подготовка и организация открытых лекций на русском и итальянском языках с переводом. Традиция была положена в 2011 г., как вклад факультета и программы в деятельность, посвященную году культуры Италии в России и году культуры России в Италии, и стала постоянной реальностью, развивающейся еще более интенсивно в 2012 г. За это время на философском факультете было прочитано более 20 открытых лекций, авторами которых были преподаватели и профессора СПбГУ, Туринского университета, Университета Рома-3, Университета им. Карло Каттанео, гос. университетов Милана, Флоренции, Калабрии, специалисты итальянских культурных фондов и ассоциаций, писатели, деятели культуры и представители мира искусства (с информацией об авторах и краткими аннотациями лекций можно ознакомиться на сайте философского факультета: philosophy.spbu.ru);

— участие факультета и образовательной программы в ежегодной всемирной Неделе итальянского языка и культуры, организуемой Генеральным консульством Италии в Санкт-Петербурге и Институтом итальянской культуры;

— организация и участие в международных конференциях, тематика которых связана с культурой, историей, философией и современными реалиями изучаемого региона. С 2008 по 2011г. на философском факультете прошли три международные конференции, в которых участвовали ведущие специалисты двух стран. Преподаватели программы часто приглашаются и выступают с докладами по темам своих научных исследований в Италии. Более подробная информация также представлена на странице образовательной программы «Культура Италии» сайта философского факультета СПбГУ.

Кроме того, студенты программы постоянно принимают непосредственное участие в многочисленных культурных, выставочных, научных и других мероприятиях, как проходящих под эгидой Генерального консульства Италии в Санкт-Петербурге и Института итальянской культуры, так и организованных негосударственными учреждениями культуры.

Результатом такой научно-практической деятельности преподавателей, участвующих в программе, ее организаторов и интеллектуальных

спонсоров стало накопление теоретического багажа знаний, текстов выступлений и докладов, которые хотелось бы предложить вниманию более широкого круга представителей научного и студенческого сообщества России и Италии. Эта идея кафедры культурологии философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета была с энтузиазмом подхвачена организациями-партнерами образовательной программы «Культура Италии». Отдельную благодарность хотелось бы выразить Генеральному консульству Италии, Институту итальянской культуры в Санкт-Петербурге, Туринскому государственному университету в лице профессора Бартоло Гарильо не только за участие в создании и редактировании издания, но и за всестороннюю поддержку наших образовательных инициатив.

В издание, специально публикуемое на двух языках, вошли доклады участников последней итало-российской конференции «Италия объединенная: 150 лет опыта», организованной в октябре 2011 г. совместно философским и историческим факультетами СПбГУ, и статьи авторов, читающих основные курсы программы «Культура Италии». В данный сборник вошла только часть материалов, охватывающих бесконечно расширяющийся круг вопросов, объединенных общим титулом «Studia culturae. Terra Italia», в связи с чем организаторы и редакционная коллегия надеются на плодотворное развитие своих начинаний в будущем.

В ближайшее время коллектив образовательной программы планирует пригласить ученых двух стран к обсуждению возможности исследований и организации научной конференции по теме «СССР — Италия. Транспарентность культурных границ».

Ж. В. Николаева,
канд. филос. наук, рук. и преп.
образовательной программы «Культура Италии»
философского факультета СПбГУ.

Санкт-Петербург,
март 2012 г.

EDITORIALE

Nel 2009 presso la Facoltà di Filosofia dell'Università Statale di San Pietroburgo, seguendo i principi del sistema formativo europeo e nel rispetto delle tradizioni delle specializzazioni culturologiche della Facoltà, è stato istituito un nuovo Corso di laurea all'interno dell'indirizzo di "Culturologia". La possibilità pratica di avviare una nuova specializzazione si è discussa e concretizzata tra il 2006 e il 2008, quando ai corsi di laurea dedicati alle più importanti culture nazionali, già realizzati con successo alla Facoltà, è stato aggiunto il nuovo Corso di laurea che ha subito attirato l'attenzione dei futuri studenti, della comunità scientifica e delle organizzazioni specializzate — il Corso di Cultura italiana. Il nuovo Corso è stato ideato ed ispirato da Yurij Nikiforovich Solonin, allora titolare della Cattedra di Culturologia e preside della Facoltà di Filosofia.

A tenere lezioni e consulenze scientifiche per il nuovo Corso sono alcuni tra i migliori professori dell'Università Statale di San Pietroburgo e delle istituzioni accademiche russe e italiane. Dal 2009 il corso viene sostenuto dal MAE che integra nel processo formativo i lettori madrelingua. Si sta sviluppando una collaborazione fruttuosa con il Consolato Generale d'Italia, l'Istituto Italiano di Cultura e alcune università e associazioni culturali italiane.

Gli elementi principali del piano didattico del nuovo corso di laurea sono: lo studio dettagliato degli aspetti teorici delle culture del territorio italiano dai tempi antichi fino ai nostri giorni; lo studio approfondito della lingua italiana, anche in ambito professionale; lo studio della storia, della filosofia, della religione, dell'arte e delle tradizioni del territorio; lo studio della realtà politica, economica, sociale e quotidiana del Paese.

L'attività scientifico-pratica all'interno del Corso si svolge nelle seguenti direzioni:

— elaborazione dei contenuti ed insegnamento delle nuove discipline di base e specialistiche da parte di eminenti studiosi dell'Università statale di San Pietroburgo, di altri atenei ed enti culturali russi e italiani. L'elenco delle discipline con i relativi autori viene riportato in allegato al volume;

— preparazione e organizzazione di lezioni aperte in lingua russa e in lingua italiana. Tale tradizione è nata nel 2011 come contributo della Facoltà

e del Corso di Cultura italiana alle attività dedicate all'anno della cultura italiana in Russia e della cultura russa in Italia, intensificandosi nel 2012. In questo periodo presso la Facoltà sono state organizzate più di 20 lezioni pubbliche tenute da professori dell'Università Statale di San Pietroburgo, dell'Università di Torino, dell'Università degli studi "Roma Tre", dell'Università Carlo Cattaneo, dell'Università statale di Milano, di Firenze, di Calabria, da specialisti delle fondazioni e delle associazioni culturali italiane, da scrittori, da esponenti della cultura e del mondo dell'arte (le informazioni sugli autori e le brevi sintesi delle lezioni si possono consultare sul sito della Facoltà di Filosofia: philosophy.spbu.ru);

— partecipazione della Facoltà e del Corso all'annuale Settimana della lingua italiana nel mondo organizzata a San Pietroburgo dal Consolato Generale d'Italia e dall'Istituto Italiano di Cultura;

— organizzazione e partecipazione a convegni internazionali legati alla cultura, storia, filosofia e realtà attuale del Paese oggetto di studi. Tra il 2008 e il 2011 presso la Facoltà si sono svolti tre convegni internazionali con la partecipazione di studiosi italiani e russi. I professori del Corso di Cultura italiana vengono spesso invitati in Italia a tenere relazioni sugli argomenti delle loro ricerche scientifiche. Le informazioni più dettagliate in merito sono riportate sulla pagina della Cultura italiana del sito della Facoltà di Filosofia dell'Università Statale di San Pietroburgo.

Inoltre, gli studenti del Corso partecipano fattivamente e in modo costante ai numerosi progetti culturali che si svolgono a San Pietroburgo sia sotto il patrocinio del Consolato Generale d'Italia e dell'Istituto Italiano di Cultura che all'interno dell'attività di enti culturali non statali.

Il frutto dell'attività scientifico-pratica dei professori, degli organizzatori e degli sponsor intellettuali del nuovo Corso costituisce un prezioso bagaglio teorico, che vorremmo proporre all'attenzione di un pubblico più vasto: quello della comunità scientifica e degli studenti russi e italiani. Quest'idea della Cattedra di Culturologia della Facoltà di Filosofia dell'Università Statale di San Pietroburgo è stata accolta con entusiasmo dalle organizzazioni partner della specializzazione in Cultura italiana. Vorremmo ringraziare in particolare il Consolato Generale d'Italia, l'Istituto Italiano di Cultura a San Pietroburgo, l'Università di Torino nella persona del Professor Bartolo Gariglio non solo per la partecipazione alla creazione e redazione del presente volume, ma anche per il loro inestimabile supporto alle nostre iniziative formative.

Il presente volume, pubblicato in due lingue, comprende le relazioni dei partecipanti all'ultimo convegno italo-russo «Italia unita: 150 anni di esperienza»

organizzato nell'ottobre del 2011 in collaborazione con la Facoltà di Filosofia e la Facoltà di Storia dell'Università Statale di San Pietroburgo e gli articoli dei docenti che insegnano le discipline principali presso il corso di Cultura italiana. Il presente volume comprende solo una parte dei materiali, frutto di una ricerca in continua espansione, che potremmo raccogliere nella collana «Studia culturae. Terra Italia». Perciò gli organizzatori e la redazione sperano in un ulteriore proficuo sviluppo delle iniziative intraprese fino ad oggi.

Nei prossimi mesi i professori del Corso di laurea in Cultura italiana intendono invitare gli studiosi dei due paesi alla discussione delle possibilità di ricerca e organizzazione di un convegno sull'argomento "URSS-Italia. Trasparenza dei confini culturali".

J. V. Nikolaeva,
Dott. in filosofia, docente e responsabile
del Corso di laurea in Cultura italiana della
Facoltà di Filosofia dell'Università Statale di San Pietroburgo

San Pietroburgo,
marzo 2012

СОДЕРЖАНИЕ
CONTENUTO

От редактора 3
Editoriale 6
От генерального консула Итальянской Республики в Санкт-Петербурге 9
Dal console generale della repubblica italiana a San Pietroburgo 10
От итальянского редактора 11
Dal redattore italiano 13

Позднев М. М. Fomenta podagram: медицина и поэзия во втором «Послании» Горация (*Epist.* 1, 2, 51–53) 15
Pozdnev M. M. Fomenta podagram: un commentario sul rapporto tra poesia e medicina in Orazio (*Epist.* 1, 2, 51–53) 27
Винченцо Ферроне. Просвещение и Процесс Галилея. Краткая история неправильно поставленной проблемы 39
Vincenzo Ferrone. L'Illuminismo e il caso Galileo. Breve storia di un problema mal posto 49
Марко Клементи. Итальянская эмиграция в России (XIX — начало XX века) 58
Marco Clementi. L'emigrazione Italiana in Russia (XIX secolo — inizio del XX) 72
Бугашев С. И. Идеология итальянского карбонаризма первой четверти XIX века 84
Bugashev S. I. Ideologia dei carbonari italiani del primo quarto del XIX secolo 94
Лейла Тави. Маркиз Федерико Фаньяни и его «Письма из Петербурга…» 103
Leila Tavi. Il marchese Federico Fagnani e le sue *Lettere di Pietroburgo* 115
Бартоло Гарильо. Католическая Церковь от анафемы до реабилитации Рисорджименто 127
Bartolo Gariglio. La chiesa cattolica dalla scomunica alla difesa del Risorgimento 141
Энцо Форнаро. «Белые ночи» Филиппо Томмазо Маринетти 153
Enzo Fornaro. Le notti bianche di Filippo Tommaso Marinetti 157
Прозерский В. В. Эстетика Бенедетто Кроче в англосаксонском мире 161
Prozersky V. V. L'estetica di Benedetto Croce nel mondo anglosassone 170
Артамошкина Л. Е. Феноменология ландшафта: итальянские впечатления В. В. Розанова 179

Artamoshkina L. E. Fenomenologia del paesaggio: impressioni italiane di V. Rozanov 187
Бартоло Гарильо. Итальянские католики и Сопротивление нацизму и фашизму в ходе Второй мировой войны (1943–1945). 195
Bartolo Gariglio. I cattolici italiani e la resistenza al nazismo e al fascismo durante la seconda guerra mondiale (1943–1945) 211
Кайгородова Н. А. Рисорджименто — оконченный процесс? История и современные оценки 224
Kaygorodova N. A. Risorgimento: un processo che si è concluso? Storia e valutazioni contemporanee 231
Держивицкий Е. В. Проблемы политико-культурной идентификации Италии: традиция и современность. 237
Derzhivitsky E. V. Problemi dell'identità politico-culturale in Italia: tradizione e modernità. 250
Николаева Ж. В. К вопросу о современном понимании культурной идентичности итальянцев 262
Nikolaeva J. V. Sulla questione della recezione dell'identità culturale italiana in età contemporanea. 271
Сильвано Костанцо. Виртуальное единство. Странная судьба народа святых, мореплавателей и героев 279
Silvano Costanzo. L'unità virtuale. Lo strano destino di un popolo di santi, navigatori ed eroi. 294

Авторы 307
Gli autori 312

Приложение. Основные дисциплины образовательной программы «Культура Италии 316

Allegato. La lista dei corsi che formano la laurea specialistica in «Cultura Italiana» 317

Бартоло Гарильо

Итальянские католики и сопротивление нацизму и фашизму в годы Второй мировой войны (1943–1945)

В последние годы мы наблюдаем, как понятие «Сопротивление» получает все более широкое наполнение. Эта тенденция, имеющая серьезные эвристические последствия и влекущая за собой новые интерпретации,[1] позволила, помимо всего прочего, рассмотреть в более адекватном свете, с лучшим приближением и с привлечением более тонких концептуальных инструментов позицию католиков в 1943–1945 гг.[2] Тем не менее, по мнению Маурильо Гуаско, эту тенденцию не следует доводить до крайности — в противном случае существует риск обесценивания самого понятия Сопротивления.[3]

Кроме того, Север, в большей степени и на протяжении более длительного времени, чем другие регионы Италии, переживал Сопротивление в его классическом варианте, так называемое «вооруженное» сопротивление, что в конечном счете оказало сильное (как позитивное, так и негативное) влияние на решения епископов, других представителей духовенства и даже католиков-мирян.

---

[1] Понятие Сопротивления, понимаемое исключительно как вооруженное Сопротивление, в последние годы неоднократно ставилось под сомнение (*Pavone C.* Una guerra civile. Saggio storico sulla moralità della Resistenza. Torino: Bollati Boringhieri, 1991. — In questa prospettiva si pongono pure: *Rusconi G. E.* Resistenza e postfascismo. Bologna; Il Mulino, 1995; *Scoppola P.* 25 aprile. Liberazione. Torino: Einaudi, 1995; Id., Resistenza e mondo cattolico, in «Humanitas», L, n. 1, febbraio 1995. P. 154–160). Важный вклад в изучение этих вопросов внесли и историографические исследования (См.: *Bravo A., Bruzzone A. M.* In guerra senza armi. Storie di donne. 1940–1945. Roma-Bari: Laterza, 1995).

[2] Интересные наблюдения на эту тему см.: *Parisella A.* Cattolici, guerra civile, guerra di liberazione, in Guerra, guerra di liberazione, guerra civile, a cura di M. Legnani e F. Vendramini. Milano: Franco Angeli, 1990. P. 433–457; *Scoppola P.* Resistenza e mondo cattolico cit. P. 154 ss.

[3] Эта тема подробно рассматривается в: I cattolici e la Resistenza: ipotesi interpretative e percorsi di ricerca, in Cattolici e Resistenza nell'Italia settentrionale, a cura di B. Gariglio; Bologna; Il Mulino, 1997. P. 306.

Заметим и то, что Север Италии не является и отнюдь не являлся в прошлом однородной реальностью. Помимо традиционных культурных особенностей, присущих различным областям с их глубокими историческими корнями, значительные различия наблюдались здесь и в экономической сфере: наряду с высокоразвитыми промышленными регионами (такими, как треугольник Милан-Генуя-Турин), Север включал в себя и регионы, охваченные индустриализацией лишь местами (например, часть области Венето[4]), а также ряд территорий, в экономике которых преобладает или исключительно представлено сельское хозяйство (обширные территории горных и холмистых районов) и которые наиболее интенсивно затронуло движение Сопротивления. Кроме того, существовали районы с «сильным» католицизмом, такие как Венето, Бергамо и Брешия с подчиненными им территориями, и, наоборот, районы, характеризовавшиеся активными процессами секуляризации, такие как Эмилия-Романья, часть Пьемонта, Лигурии и Ломбардии.[5] К этому следует добавить проблемы меньшинств на Западе и Востоке. Все это имело наиболее серьезные последствия вдоль восточной границы.

В Венеции-Джулии уже весной 1942 г. началось вооруженное Сопротивление, «встречавшее поддержку и пополнявшее свои ряды в словенских и хорватских деревнях … доходя в своих масштабах до восточных границ провинции Удине».[6]

Как отмечалось, наряду с освободительной, гражданской и классовой войной, Сопротивление проявляло себя здесь и в четвертой форме — межэтнического конфликта[7]. Уже 15 апреля 1943 г. в письме к Муссолини «епископы Триеста, Гориции, Фьюме и Паренцо-Пола осудили жестокие и разрушительные методы, применявшиеся в борьбе с партизанами». «Не вызывала никаких сомнений… необходимость порицания тех, кто

[4] Эти аспекты подробнее рассмотрены в: *Brunetta E.* La società veneta e la Resistenza, in I cattolici e la Resistenza nelle Venezie, a cura di G. De Rosa. Bologna; Il Mulino, 1997. P. 182 ss.

[5] Относительно развития религиозных практик в годы Второй мировой войны и после нее см.: *Durand J.-D.* L'Église catholique dans la crise de l'Italie (1943–1948). Roma: Ecole Française, 1991. P. 241 ss. Inoltre: *Malgeri F.* La Chiesa italiana e la guerra (1940–45). Roma: Studium, 1980. P. 63 ss.

[6] *Ferrari L.* Il clero del Friuli e della Venezia Giulia di fronte all'occupazione (1943–1945), in: «Qualestoria», XXIII, n. 3, dicembre 1995. P. 4.

[7] Эта тема подробно рассматривается в: *Salimbeni F.* Introduzione, in I cattolici e la Resistenza nelle Venezie cit. P. 9 ss.

признавался “врагами порядка”», но одновременно с этим — и «ответственность итальянского правительства»; «обращение с этими нашими прихожанами, — писали епископы — часто не было ни гуманным, ни справедливым». Осуждение методов, применявшихся в отношении населения, вновь прозвучит от прелатов 14 марта 1944 г.: оно стало ключевой мыслью «Заявления епископской конференции трех Венеций от 20 апреля 1944 г.».[8]

Еще более северные провинции: Больцано, Тренто и Беллуно, по сути, были оторваны от Италии. Попавшие под юрисдикцию *Operationszone Alpenvorland* — «Преальпийской зоны операций» — они полностью вышли из-под управления фашистов.[9]

«Причины, по которым немцы решили придать этому новому образованию юридический статус, были военного характера. Они руководствовались намерением создать территорию, на которой эффективное управление, а также менее тяжелые условия существования для гражданского населения обеспечили бы спокойную обстановку и возможность надежных поставок на фронт и которая за счет этого могла бы стать для Германии последним защитным рубежом на случай отступления».[10]

Именно для достижения этих целей данной территории были предоставлены определенные формы автономии. Например, в провинции Тренто комиссаром-префектом был назначен Адольфо де Бертолини, персонаж, известный в местных политических кругах, как человек «либеральной ориентации, в течение двадцатилетия ни разу не скомпрометировавший себя отношениями с фашизмом».[11] Он был моментально выбран Церковью Тренто в качестве реального посредника в весьма неоднозначной ситуации, сложившейся на тот момент.

В этих условиях наблюдалось не только множество противоречий, но и разобщенность, которая постепенно стала усиливаться вследствие военного конфликта, и особенно из-за воздушной войны, впервые проводившейся

---

[8] *Ferrari L.* Il clero cit. P. 5.

[9] *Vadagnini A.* Dalla guerra alla Resistenza, in P. Piccoli e A. Vadagnini, Il movimento cattolico trentino dalle origini alla Resistenza (1944–1945). Trento: Centro di cultura A. Rosmini, 1989[2]. P. 489 ss.

[10] *Vadagnini A.* Esperienze, progetti e impegno politico dei cattolici trentini durante la Resistenza (1943–46), in: I cattolici e la Resistenza nelle Venezie cit. P. 149.

[11] Ibid. Dalla guerra alla Resistenza cit. P. 490.

в столь агрессивной форме, разрушавшей города и ставившей под угрозу эксплуатацию дорог, мостов, железных дорог.[12]

В этой ситуации постепенного распада, как и в «темные века» Средневековья, институциональная Церковь выполняла объединяющую роль. «Предвидя перебои в коммуникации», Святой престол подчеркивал «важную функцию городских епископов как гарантов "единообразия позиций и устремлений" епископов и остального духовенства».

Лилиана Феррари формулирует общую суть предписаний, поступавших епископам Северной Италии из Ватикана как до, так и после прерывания прямого сообщения, следующим образом: «В условиях конфликта, который из-за своих масштабов и вовлеченных в него сторон может быть квалифицирован уже только как эпохальный момент искупления, единственным допустимым выбором является полная нейтральность. Рим просит епископов действовать с "пасторским благоразумием", избегая как компрометирующих поступков, так и бездействия: реагировать на ситуацию, проводя в жизнь элементы универсального материнства через внимательное и повсеместное оказание помощи и защиты. Это не значит уходить от отношений со светской властью — как раз наоборот, епископы и духовенство должны позиционировать себя в качестве необходимых посредников на институциональном уровне. Нейтральность оставляет нам свободу для посредничества, с тем чтобы в перспективе обеспечить себе наилучшие возможности для активного присутствия».[13]

В поведении прелатов существенных различий не наблюдается. Впрочем, иногда создается впечатление, что епископы, вступившие в должность после конкордата, придерживаются более правой ориентации, чем те, кто был назначен на эту должность ранее. Во многих случаях на смену епископам-антифашистам были призваны профашистски настроенные епископы.

Доклады, прочитанные на симпозиумах в Турине и Виченце в 1995 г. (в год пятидесятилетия с момента окончания войны), продемонстрировали, что поведение епископов, которые до 25 июля 1943 г. (дата падения фашизма) достаточно явно следовали профашистской линии, не сильно

[12] О характере воздушной войны в Центрально-северной Италии, и особенно в Ломбардии во время Второй мировой войны см. интересные замечания: *Rastelli A.* I bombardamenti aerei nella seconda guerra mondiale, in «Italia contemporanea», fasc. 195, giugno 1994. P. 309–342.

[13] *Ferrari L.* Il clero cit. P. 3–4.

отличалось от поведения их коллег по епископскому сану. Возможно, начиная с 8 сентября того же года (перемирие с англо-американскими силами, вступление немцев в Италию, создание марионеточного правительства Социальной Итальянской Республики) оно характеризовалось лишь большей сдержанностью, по-прежнему проблематичной попыткой сохранения позиции *super partes* и особенно — трудностями понимания происходящих процессов.[14]

Анализ документов, которые оставили после себя нацистские и фашистские органы власти, даже после их очистки от очевидных преувеличений и неточностей, однозначным образом указывает на то, что после 8–го сентября значительная часть духовенства вела свою деятельность в направлении, противоположном ожиданиям епископов. Предположение о том, что это происходило *вразрез* с предписаниями конкретных епископов, — пишет Джорджо Веккьо, — выглядит малоправдоподобным. По-видимому, могло быть так, что епископы, менее внимательные к развитию событий и менее чувствительные к требованиям конкретного момента — включая политические особенности — оказались выбиты из колеи всем происходящим и в итоге были способны лишь пассивно претерпевать ситуацию, далекую от их ожиданий.[15]

Стимулом, побудившим часть католического мира примкнуть к Сопротивлению «в широком смысле», к «гражданскому сопротивлению», была, прежде всего, любовь к ближнему.

В большинстве случаев она выражалась в помощи преследуемым: евреям, бывшим заключенным союзников, итальянским военным, находящимся в розыске после перемирия: «*Absconde fugientes et vagos ne prodas*» — говорилось в коллективном пастырском письме пьемонтских епископов, написанном на Пасху 1944 г.[16] Впрочем, еще раньше «приходские церкви

[14] См.: *Ferrari L.* Il clero del Friuli cit. P. 11; *Vadagnini A.* Esperienze, progetti e impegno politico cit. P. 154 ss.; *Trionfini P.* Esperienze e apettative dei cattolici emiliani tra guerra. Resistenza e dopoguerra (1940–1946), in Cattolici e Resistenza nell'Italia settentrionale cit. P. 207–210; *Vecchio G.* L'episcopato e il clero lombardo tnella guerra e nella Resistenza (1940–1945), ibid. P. 4. Inoltre: *PariseIla A.* Cattolici, guerra civile, guerra di liberazione cit. P. 443–444.

[15] См.: *Vecchio G.* L'episcopato e il clero lombardo cit. P. 79–86.

[16] *Marchis R.* Le relazioni dei parroci su guerra e Resistenza nella diocesi di Torino, in Cattolici, guerra e Resistenza cit. P. 109. Текст пастырского письма недавно был опубликован в: Lettere pastorali dei vescovi torinesi, a cura di W. Crivellin e G. Tuninetti, in «Quaderni del Centro studi C. Trabucco», fase. 17, maggio 1992. P. 131–144 (cit. P. 141).

и религиозные институты предлагали» бывшим заключенным союзников, бежавшим из концлагерей, «надежные укрытия, в которых они могли бы дождаться экспатриации или прекращения военных действий».[17] Аналогичную помощь, и даже в больших масштабах, оказывали приходские священники, монахини, просто религиозные люди итальянским солдатам после 8 сентября, иногда при этом еще и находя возможность пристроить их на работу в сельскохозяйственные районы, нуждавшиеся в рабочей силе. Значительная помощь оказывалась и евреям, «главным объектам преследования», хотя зачастую она произрастала из «традиционных принципов католического мира», который всегда подчеркивал дистанцию между собой и израильтянами.[18]

Здесь не представляется возможным перечислить конкретные примеры деятельности епископов, священников, религиозных людей и мирян; я укажу лишь на несколько сетей спасения, которые использовались или были созданы в 1943–1945 гг.

Первая из них подчинялась генуэзской курии и следовала «плану мероприятий в поддержку евреев, разработанному архиепископом», кардиналом Боэтто, в интересах Представительства по оказанию помощи еврейским эмигрантам (*Delasem*).[19] «После 8–го сентября 1943 г. генуэзская курия продолжала подпольно и без надежной опоры вести деятельность *Delasem*, охватывая ею преимущественно северные районы Италии».[20]

---

[17] *Marchis R.* Le relazioni dei parroci cit. P. 109. Inoltre: *Tramontin S.* I cattolici e la Resistenza, in Storia del movimento cattolico in Italia, diretta da F. Malgeri. Roma, Il Poligono, 1981. Vol. IV. P. 408 ss.; *Gios P.* Resistenza, parrocchia e società nella diocesi di Padova. 26 luglio 1943–2 maggio 1945. Padova: Marsilio, 1981. P. 39 ss.

[18] См.: *Carlotti A.* Il laicato cattolico in Lombardia e la lotta di liberazione, in Cattolici e Resistenza nell'Italia settentrionale cit. P. 144; *Ferrari F.* Il clero cit. P. 15; *Gios P.* Il clero padovano durante la guerra e la lotta di liberazione, in I cattolici e la Resistenza nelle Venezie cit. P. 39 ss.; *Marchis R.* Guerra e Resistenza nelle posizioni della curia torinese, in L'insurrezione in Piemonte cit. P. 279 ss.; *Tramontin S.* I cattolici e la Resistenza cit. P. 406–407; *Vecchio G.* L'episcopato e il clero lombardo cit. P. 146–149.

[19] См.: *Carlotti A.* Il laicato cattolico in Lombardia e la lotta di liberazione, in Cattolici e Resistenza nell'Italia settentrionale cit. P. 144; *Ferrari F.* Il clero cit. P. 15; *Gios P.* Il clero padovano durante la guerra e la lotta di liberazione, in I cattolici e la Resistenza nelle Venezie cit. P. 39 ss.; *Marchis R.* Guerra e Resistenza nelle posizioni della curia torinese, in L'insurrezione in Piemonte cit. P. 279 ss.; *Tramontin S.* I cattolici e la Resistenza cit. P. 406–407; *Vecchio G.* L'episcopato e il clero lombardo cit. P. 146–149.

[20] *Crivellin W.* I fatti di Castelvecchio tra guerra e Resistenza, in Cattolici, ebrei ed evangelici nella guerra. Vita religiosa e società. 1939–1945, a cura di B. Gariglio e R. Marchis. Milano: Franco Angeli, 1999. P. 155.

Операция была поручена архиепископом Генуи своему секретарю, дону Франческо Репетто: «Сразу же после получения контроля над "*Delasem*" группа генуэзских священников, подобранных доном Репетто и поддерживавшихся несколькими чрезвычайно активными еврейскими лидерами, взялась за работу по налаживанию контактов с епископами ряда приходов оккупированной Италии, где проживали группы евреев, с целью формирования фондов, определения имен и распределения задач по оказанию помощи на месте».[21]

Одним из ключевых установленных контактов был контакт с курией административного центра Пьемонта. В августе 1944 г. была раскрыта часть туринской сети. Ответственность кардинала Фоссати «была доказана — не только в силу непосредственного участия в деле его секретаря монсиньора Барале, — но и в силу содержания посланий, изъятых в ходе полицейской операции, из которых следовала его причастность к вменявшейся ему в вину деятельности».[22] В итоге был арестован Барале и еще 5 священников, двое из которых вскоре были выпущены на свободу по причине почтенного возраста. Благодаря посредничеству монсиньора Джузеппе Биккьераи, секретаря миланского архиепископа, который сразу же был вызван для дачи показаний, четверо священников, изначально заключенные в немецкое крыло туринской тюрьмы «Нуове», были переведены в Институт Святой семьи Чезано Босконе, где уже находились в заключении другие священники, осужденные за антифашистскую и антинацистскую деятельность.[23] Только в октябре «инцидент был исчерпан: заключенные были освобождены по воле нового немецкого военного коменданта Турина, который при вступлении в должность решил зарекомендовать себя благородным жестом, дабы упростить себе исполнение своих дальнейших обязанностей».[24]

Особое значение принадлежало, кроме того, подпольной организации, известной под названием «Оскар» («Католическое скаутское движение по оказанию помощи лицам, находящимся в розыске», а позднее — «Организация по оказанию помощи преследуемым католикам-антифашистам»).

---

[21] *Brizzolari C.* Genova nella seconda guerra mondiale. Una città in guerra (1938–'43). Genova; Valenti, 1978. VoI. II. P. 66.

[22] *Marchis R.* Guerra e Resistenza nelle posizioni della curia torinese cit. P. 295.

[23] См.: *Vecchio G.* L'episcopato e il clero lombardo cit. P. 120–121 e G. Tuninetti, Clero, guerra e Resistenza nella diocesi di Torino (1940–1945). Nelle relazioni dei parroci del 1945. Casale Monferrato: Piemme, 1996. P. 46.

[24] *Marchis R.* Guerra e Resistenza cit. P. 295.

Идея ее создания принадлежала лидерам миланских «Странствующих орлов», католической скаутской организации, ушедшей в подполье после окончательного упразднения *ASCI* (Итальянской католической скаутской ассоциации) в 1928 г.[25] В ее рядах работала молодежь, пришедшая из «Католического действия» и из *FUCI* (Итальянской католической университетской федерации), а основной движущей силой выступали амвросианские священники: дон Джованни Барбарески, дон Андреа Гетти, дон Аурелио Джуссани, дон Энрико Бигатти, дон Натале Мотта. Эти «божьи контрабандисты» (как зачастую их называли) организовали около 2000 экспатриаций (военнопленных, евреев, лиц, разыскиваемых по политическим мотивам …) и распространили около 3000 поддельных документов.[26] Некоторые члены организации были схвачены, другие — лишились жизни (так, Нино Верри был расстрелян 16 апреля 1944 г.).[27]

Что касается Падуи и ее окрестностей, то здесь Пьерантонио Джос возродил сеть, созданную доном Марио Занином, а также предпринятую отцом Доменико Артеро попытку спасения англо-американских военнопленных, находившихся в восемнадцати трудовых лагерях на окраине Падуи. В операции принимали участие многие миряне и церковные деятели; одним из ее последствий стал арест дона Джованни Фортина, первого из итальянских священников, депортированных в концлагерь Дахау.[28]

По сути, «гражданское» Сопротивление таило в себе не меньше опасностей, чем Сопротивление вооруженное.

Немаловажную роль в этом процессе играли некоторые секретари епископов: это Джузеппе Биккьераи в Милане,[29] Винченцо Барале в Турине,[30]

---

[25] См.: *Vecchio G.* L'episcopato e il clero lombardo cit. P. 106.

[26] *Bianchi G.* I cattolici, in L. Valiani, G. Bianchi, E. Ragionieri, Azionisti; cattolici e comunisti nella Resistenza. Milano: Franco Angeli, 1971. P. 212–213; *Carlotti A.* Il laicato cattolico cit. P. 148; *Vecchio G.* L'episcopato e il clero lombardo cit. P. 106.

[27] *Carlotti A.* Il laicato cattolico cit. P. 148.

[28] См.: *Gios P.* Resistenza, parrocchia e società cit. P. 42 ss. В числе сетей спасения следует отметить также «группу Фрама», ключевую роль в которой играли профессора Эцио Франческини и Кончетто Маркези. По поводу данной группы см.: Ibid. Il clero padovano cit. P. 54.

[29] См.: *Bianchi G.* I cattolici cit. P. 215–216; *Carlotti A.* Il laicato cattolico cit. P. 168; *Vecchio G.* L'episcopato e il clero lombardo cit. P. 120–121.

[30] См.: *Gariglio B.* I cattolici piemontesi nella guerra e nella Resistenza, in Cattolici e Resistenza nell'Italia settentrionale cit. P. 21 ss.; *Tuninetti G.* Clero, guerra e Resistenza cit. P. 42 ss.

Франческо Репетто в Генуе.[31] Судя по всему, в наиболее рискованных аспектах своей деятельности по оказанию помощи некоторые прелаты опирались на этих прямых и надежных соратников, оставляя в стороне курию, главный орган управления церковным приходом, которая не хотела себя компрометировать. Такая ситуация наиболее ярко проявилась в Турине, где кардинал Фоссати для осуществления наиболее деликатных операций прибегал к помощи не только своего секретаря монсиньора Барале, но и священника Домского собора монсиньора Джузеппе Гарнери, будущего архиепископа Сузы, и Помпео Боргецио, священника прихода Сан Массимо, поначалу секретаря, а затем, с осени 1943 г., председателя городской Коллегии Священников.[32]

Значительная часть духовенства переходила от этих форм «гражданского» Сопротивления к таким видам деятельности, которые подразумевали как минимум косвенное содействие вооруженной борьбе. Это содействие выражалось в самых разных аспектах: от поставки продуктов питания до укрывания оружия; от хранения компрометирующих документов до распространения подпольных изданий; от предоставления жилья партизанам до поддержки и лечения раненых. Во многих случаях передавалась информация, имевшая решающий характер для сохранения жизни отдельных личностей или организаций: достаточно вспомнить, какую важность имели в горных поселениях новости, поступавшие из долин.[33] Кроме того, здания религиозного назначения повсеместно принимали на себя роль места собраний для организаций Сопротивления.[34]

По мнению Джоса, изучившего *liber chronicus* падуанского прихода, процесс перехода от «гражданского» Сопротивления к разнообразным формам поддержки Сопротивления вооруженного разворачивался на протяжении осени-зимы 1943 г. и, по всей видимости, завершился уже к поздней весне 1944 г., когда в падуанской епархии, как и по всей Северной Италии, Сопротивление уже начало приобретать количественно значимые масштабы.[35]

---

[31] См.: *Varnier G. B.* Un vescovo per la guerra cit. P. 39–41 e; *Crivellin W.* I fatti di Castelvecchio cit. P. 155–159.

[32] См.: *Tuninetti G.* Clero, guerra e Resistenza cit. P. 53.

[33] См.: *Gios P.* Il clero padovano durante la guerra e la lotta di liberazione cit. P. 64 ss.; *Tramontin S.* I cattolici e la Resistenza cit. P. 414 ss.; *Vecchio G.* L'episcopato e il clero lombardo cit. P. 107.

[34] См., напр.: *Gios P.* Il clero padovano cit. P. 67 ss; *Vadagnini A.* Dalla guerra alla Resistenza cit. P. 268 ss.; *Vecchio G.* L'episcopato e il clero lombardo cit. P. 144.

[35] См.: *Gios P.* Resistenza, parrocchia e società cit. P. 65 ss. e 109 ss.

В некоторых случаях именно священники выступают инициаторами первого созыва КНО (Комитета национального освобождения) Италии.

Иногда представители духовенства председательствовали на собраниях КНО. Наиболее яркий пример этого мы наблюдаем в случае монсиньора Эдоардо Марцари в Триесте. Он родился в 1905 г. После активного членства в скаутском движении и в «Католическом действии», он продолжил подготовку в соответствии с избранным им религиозным призванием: отправился в Рим, где вначале обучался в Коллегии Капраника, а затем получил высшее образование в области теологии в Папском Григорианском университете. Рукоположенный в сан священника в 1932 г., он стал руководителем еженедельного издания епархии Триеста, однако был смещен с этой должности из-за неприкрытой критики фашизма; после этого он являлся духовным наставником *FUCI* и возглавлял местное отделение *ICAS* (Католического института социальной работы[36]). Он играл заметную роль в триестинском Сопротивлении, занимая должность председателя трех КНО области Венеция-Джулия, состоявшихся с июня 1944 г. по май 1945 г., «за исключением периода с февраля по апрель последнего года войны, когда был арестован и узнал пытки и национал-фашистские тюрьмы».[37] На должность председателя КНО Венеции-Джулии его порекомендовал коммунист Луиджи Фраузин.[38]

В годы войны и Сопротивления претерпевает изменения сама фигура священника. «Переживание в самых разных обстоятельствах общих опасностей, причастность к общей боли способствовали более тесному отождествлению духовенства с судьбами собственного прихода». Вместо того чтобы видеть в приходе «четко очерченную территорию с определенным количеством душ и необходимым набором обрядов», являвшихся выражением духовной жизни, а также «совокупность материальных благ, составлявших его имущество», священнослужители начинали придавать большое значение духовному измерению и чувству единения в жизни прихода.[39]

Даже «проповедь должна была в большей степени приводиться в соответствие с потребностями» верующих. «Антология проповедей на каждый

[36] *Spazzali R.* Don Edoardo Marzari: un sacerdote a capo della Resistenza italiana a Trieste, in I cattolici e la Resistenza nelle Venezie cit. P. 316–318.

[37] Ibid. P. 313.

[38] Ibid. P. 323.

[39] *Trionfini P.* Esperienze e aspettative dei cattolici emiliani cit. P. 252.

случай и для всякого праздника в 1940–1945 гг. использовалась реже, чем обычно. «"Систематическая" процедура наставления верующих при помощи катехизиса, опирающегося на общие принципы христианства, дополнялась более "пастырским" отношением, в большей мере учитывавшим историческую реальность, конкретные особенности жизни людей».[40] «Даже литургия должна была сообразовываться с настоятельными требованиями момента, что способствовало сближению между священниками, проводящими богослужения, и прихожанами».[41] «Месса в этих случаях, — утверждает Паоло Трионфини, — переживалась уже не как момент исполнения обязанности, а как момент, наполненный глубоким смыслом».[42]

Он же отмечает, что в некоторых приходах Эмилии-Романьи молодые священники, которых, согласно принятой в Апеннинах практике, направляли в приходы «самых скромных размеров и не имевших предпосылок к вольготному существованию» в качестве «испытания для проверки их пастырских способностей», в итоге настолько отождествляли себя с жизнью своего прихода, что оставались там и в послевоенный период, вместо того чтобы перейти, как это практиковалось, в более значительные приходы на равнине.[43]

Меняется фигура священника, меняется и реальность прихода. Многое уже писалось о роли домов священников во время войны, но особенно показательной мне кажется страница из воспоминаний дона Примо Мадзолари: «Они прибывали отовсюду, под самыми загадочными именами. Священник открывал дверь, укрывал их у себя, поддерживал, советовал, ничего не спрашивая, не зная, кто они и откуда, какие политические

[40] Ibid. P. 253. — Впрочем, на эту тему см.: *Vadagnini A.* Esperienze, progetti e impegno politico dei cattolici trentini cit. P. 172. Интересное описание эволюции особенностей проповеди в годы войны, в период Сопротивления и в первые послевоенные годы приводится: *Durand J.-D.* L'Église catholique dans la crise de l'Italie cit. P. 411–449. Об изменениях, происходящих в теологии и в пастырской практике в период Сопротивления см.: *Guasco M.* Proposte per una ricerca su ideologia e pratica della Resistenza nel mondo cattolico, in La Resistenza dei cattolici sulla Linea Gotica, a cura di S. Tramontin. Sansepolcro: Ediz. Cooperativa culturale «G. La Pira», 1983, ora in Id., Politica e religione nel Novecento italiano. Momenti e figure. Torino: Il Segnalibro, 1988. P. 250–251 e passim.

[41] *Trionfini P.* Esperienze e aspettative dei cattolici emiliani cit. P. 254–255.

[42] Ibid. P. 255.

[43] Ibid. P. 258.

убеждения ими движут. И зачастую он же становился первым, кого схватывали и уводили на рассвете под звуки "Аве Марии", словно преступника».[44]

Многие священники могли бы претендовать на почетную награду партизана, но Лоренцо Бедески, проанализировав события в Эмилии-Романьи, пришел к заключению, что, несмотря на то, что это были «почти все»,[45] относительно немногие из них обратились с таким запросом. На это решение влияли различные причины: от мистических мотивов «удовлетворения от молчаливого дара» и «отвращения к погоне за официальным признанием», которое наблюдалось в послевоенный период, до «этических и социальных причин, таких как нежелание связывать себя с организациями, которые не всегда были представлены достойным образом на местном уровне».[46]

Большое значение для молодых католиков в их решении не отвечать на призывы фашистов и уходить в горы имел совет, порой проблематичный и выстраданный, данный священнослужителем,[47] в некоторых случаях — приходским священником, в других, более распространенных, — духовным наставником кружка или «священником молодежного приходского клуба».[48]

Неоднократно подчеркивалось, что выбор в пользу Сопротивления совершался в одиночестве, оставаясь на совести конкретного верующего.[49] Однако в действительности далеко не всегда это происходило в полном одиночестве. «Существовала … своеобразная объединяющая сеть, которая на протяжении войны несколько ослабла, однако не порвалась и которая в эти непростые времена выполняла функцию защиты по отношению к индивиду. Выбор, сделанный многими католиками … в пользу вооруженной борьбы, — пишет Паоло Трионфини — в эти моменты опосредствовался,

---

[44] *Mazzolari P.* Accettiamo la battaglia. Milano: Martini e Chiodi, 1947. P. 22. Ma sulla «canonica di guerra» si vedano pure le interessanti osservazioni di A. Vadagnini. Esperienze: Progetti e impegno politico cit. P. 170–172.

[45] *Bedeschi L.* Clero e laicato di Romagna: 1940–1945 // Cattolici e Resistenza nell'Italia settentrionale cit. P. 190.

[46] Ibid. P. 188.

[47] См.: *Traniello F.* Il mondo cattolico nella seconda guerra mondiale, in L'Italia nella seconda guerra mondiale e nella Resistenza / a cura di F. Ferratini Tosi, G. Grassi, M. Legnani. Milano: Franco Angeli, 1988; ora in Id., Città dell'uomo. Cattolici, partito e Stato nella storia d'Italia. Bologna: Il Mulino, 1990. P. 209.

[48] *Vecchio G.* L'episcopato e il clero lombardo cit. P. 109 e passim.

[49] См.: *Guasco M.* Proposte per una ricerca su ideologia e pratica della Resistenza nel mondo cattolico cit. P. 241 e 250–251 e; *Traniello F.* Il mondo cattolico nella seconda guerra mondiale cit. P. 209.

отфильтровывался, поддерживался пестрым универсумом приходских и/или епархиальных групп. Совокупность этих отношений … напоминала сеть с крупными ячейками, но туго затянутыми узелками, то есть представляла собой реальность, которая не оказывала принуждения на индивидуальность, но предполагала сильное отождествление».[50]

При этом во всей Северной Италии отмечалось присутствие католиков, а порой и священников, в коммунистических структурах. В некоторых случаях они достигали высоких постов, как, например, офицер инженерных войск Альдо Гастальди (по прозванию Бизаньо), командир гарибальдийской дивизии Чикеро в Лигурийских Апеннинах.[51]

Местами приходские священники предпочитали организовывать вместе с молодежью из *ACI* (Итальянского Католического Действия) небольшие отряды, которые действовали на территории самого прихода и прилегающих к нему районов и по своим характеристикам были ориентированы, скорее, на самооборону, чем на борьбу, напоминая сельскую полицию.[52]

Переход к Сопротивлению в ряде случаев сопровождался (сразу же или спустя некоторое время) более глубоким осмыслением социальной тематики в свете идей Церкви. Именно в этой области заявила о себе «возрожденная активность» «Итальянского католического действия» на национальном уровне, особенно с середины 1943 г.[53] Речь идет о темах, которые затрагивались в различные периоды и в разных формах, в зависимости от особенностей местной социально-экономической ситуации: с некоторым опозданием в провинциальных и горных епархиях, с опережением — в ключевых городских и промышленных центрах.[54] Впрочем, эта сфера приобретала стратегическое значение в связи с решением проблем восстановления страны в послевоенный период. На эти темы то и дело высказывались епископы, от Шустера до Фоссати, по сути, придерживаясь линии «Сорокового года».[55]

---

[50] *Trionfini P.* Esperienze e aspettative cit. P. 267–268.

[51] См.: *Bianchi G.* I cattolici cit. P. 275–276; *Tramontin S.* I cattolici e la Resistenza cit. P. 463.

[52] См., например, наблюдения о кардинальных различиях между епархией Турина и епархией Тренто в: *Marchis R.* Le relazioni dei parroci cit. P. 113 e; *Vadagnini A.* Esperienze, progetti e impegno politico dei cattolici trentini cit. P. 175–177.

[53] См.: *Traniello F.* Il mondo cattolico nella seconda guerra mondiale cit. P. 191.

[54] См. al riguardo: *Durand J-D.* L'Église catholique cit. P. 61 ss. e 471 ss.

[55] См.: *Bocchini Camaiani B.* Vescovi e parroci durante la resistenza cit. P. 261–262.

В начале июля 1943 г. «в Реджо-Эмилии проходил симпозиум для церковных наставников «Католического действия» из различных приходов».[56] С докладом на социальную тематику выступил Паоло Эмилио Тавиани, в ту пору принадлежавший к социал-христианам, который среди прочего заметил: «На нас, католиков, верящих в демократию и в социальные принципы, ложится большая ответственность в связи с перенимаемым нами наследием фашизма». И далее: «Сопротивление фашизму заявляет о себе не просто как желание, а как реальность».[57] Этот новый порыв был подхвачен и воплотился в жизнь в форме учебы, углубленной проработки, популяризации идей. Среди многочисленных примеров такого подхода — образовательная деятельность в области христианской социологии, осуществлявшаяся Карло Мессори в Падуе, глубокое изучение социальной доктрины Церкви в учебных группах в Трентино, публикация монсиньором Сантином в Триесте епархиального еженедельника «Новая жизнь», статьи которого получили «широкий отклик во всей округе».

Во многих районах росло влияние «Католического института социальной работы». Получило развитие также «Национальное дело религиозной и моральной помощи рабочим» (*Onarmo*).[58] Почти повсеместно эта деятельность велась в традиционных формах, за исключением Турина, где ядро священников, положивших начало таким проектам, нашло путь к преодолению благотворительной и ассистенциалистской модели *Onarmo* за счет обращения к французско-бельгийской модели *JOC* («Рабочая католическая молодежь»).[59]

На первом, пионерском, этапе реализации данной инициативы ключевая роль принадлежала чрезвычайно интересной личности — священнику Джузеппе Полларoло, который установил ряд контактов с «Итальянским католическим действием». После его ареста фашистами в июне 1944 г., побега в горы и борьбы на стороне Сопротивления, Фоссати принял дальновидное решение поручить присутствие на заводе группе священников из числа миссионеров Сан Массимо, не связанных никакими официальными

[56] *Bianchi G.* I cattolici cit. P. 164.
[57] Ibid.
[58] См.: *Durand J.-D.* L'Église catholique cit. P. 474 ss.
[59] См.: *Bertini B., Casadio S.* Clero e industria a Torino. Ricerca sui rapporti tra clero e masse operaie nella capitale dell'auto dal 1943 al 1948. Milano: Franco Angeli, 1979. P. 69–82.

приходскими обязанностями и ведущими общинную жизнь. Они опробовали новые формы налаживания отношений с рабочим классом.[60]

На крупнейших заводах принципы, проводимые в жизнь «Католическим действием», постепенно сливались с возрождающимся христианским профсоюзным движением.

Эта возрожденная активность «свидетельствовала об осознании серьезного отставания, которое предстояло наверстать… однако несколько неуклюжие формы, в которых она реализовывалась, часто нося чрезмерно ассистенциалистский и культовый характер», указывали на «общую культурную слабость, аккумулированную… в отношении реальных масштабов «рабочего вопроса»».[61]

Тем временем католический мир не оставался безучастным и к политической деятельности. Вслед за рядом неформальных контактов, 29 сентября 1942 г. на Туринском холме близ базилики Суперга состоялось собрание, в котором приняли участие около сорока представителей пьемонтского и ломбардского католицизма.

В начале июля 1943 г. в Милане был учрежден Комитет Христианско-демократической партии по Северной Италии. Программный манифест, позднее получивший известность как «Миланская программа», по распоряжению промышленника Энрико Фалька был напечатан тиражом в миллион экземпляров, после чего в течение сорока пяти дней был распространен по всей Италии.[62]

Члены Христианско-демократической партии вошли в состав комитетов антифашистской направленности, появившихся в крупнейших городах с осени 1942 г. по первую половину 1943 г. На повестке дня оказался вопрос о сотрудничестве с коммунистами. Ряд прелатов, в частности Маурильо Фоссати, архиепископ Турина, выступали резко против такого сотрудничества, и эта непримиримая позиция была преодолена только позднее, в атмосфере Сопротивления.[63]

Почти везде рождение Христианско-демократической партии было результатом «встреч и обсуждений между личностями, принадлежащими к группам, ранее не связанным друг с другом»: бывшими членами Народной

[60] Ibid. P. 51–52, 80–82 e 103.
[61] *Traniello F.* Il mondo cattolico nella seconda guerra mondiale cit. P. 191–192.
[62] *Bianchi G. I cattolici* cit. P. 162–163; *Carlotti A.* Il laicato cattolico cit. P. 141–144.
[63] См.: *Gariglio B.* I cattolici piemontesi cit. P. 31.

партии, лидерами «Католического действия», представителями Итальянской католической университетской федерации, немногочисленными «католиками, стихийно примкнувшими к антифашистам».[64]

В действительности, только во время Сопротивления удалось перекинуть мостик от бывших членов Народной партии к новому поколению католической молодежи, выросшей в период фашизма, которая в тот период как раз вступала в пору зрелости. Де Гаспери придавал этой проблеме столь важное значение, что даже упомянул о ней в преамбуле к «Реконструктивным идеям христианской демократии».[65]

Существенную помощь в создании новой партии оказало «Католическое действие». Почти во всех епархиях прелаты соглашались на использование помещений религиозного назначения для политических собраний. Кроме того, как уже говорилось выше, в некоторых случаях именно священники представляли Христианско-демократическую партию в местных КНО.[66]

Опыт тоталитаризма усилил в Церкви тенденцию к активной политической деятельности, которая сохранилась и после Второй мировой войны.

Новые усилия католиков в политической и социальной сфере вылились в более осознанное участие в Сопротивлении; тем не менее, они смотрели в будущее, за горизонт войны, которая воспринималась как временный и, по сути, неподходящий для них период; они готовили почву для деятельности в послевоенные годы, и, как показало время, этот выбор себя оправдал.

---

[64] *Bianchi G.* I cattolici cit. P. 159–162 (cit. a p. 159); *Scoppola P.* La Democrazia Cristiana in Italia dal 1943 al 1947, in «Storia e politica», XIV (1975). P. 177–178 e passim; *Tramontin S.* La Democrazia Cristiana dalla Resistenza alla Repubblica // AA. VV. Storia della Democrazia Cristiana, a cura di F. Malgeri. Roma: Cinque Lune, 1987. P. 17 ss.

[65] *Piccoli P.* I cattolici trentini dagli anni del consenso alla crisi del fascism // I cattolici e la Resistenza nelle Venezie cit. P. 130–131.

[66] См.: *Tramontin S.* I cattolici e la Resistenza cit. P. 417 ss.; *Gariglio B.* I cattolici piemontesi cit. P. 24 e passim.

Bartolo Gariglio

I cattolici italiani e la resistenza al nazismo e al fascismo durante la seconda guerra mondiale (1943–1945)

In questi ultimi anni si è assistito ad un progressivo slargamento del concetto di Resistenza. Tale tendenza, che ha riflessi euristici e interpretativi importanti,[1] ha permesso tra l'altro di collocare in una luce più adeguata, di cogliere più da vicino e con strumenti concettuali più raffinati, l'atteggiamento dei cattolici negli anni 1943–1945.[2] Come ha osservato Maurilio Guasco, si tratta tuttavia di una tendenza che non va portata alla estenuazione, altrimenti si rischierebbe di vanificare il concetto stesso di Resistenza.[3]

Inoltre il Settentrione, più e più a lungo di altre parti d'Italia conobbe la Resistenza in senso classico, la Resistenza «armata», e ciò finì per influenzare fortemente in senso positivo e negativo le scelte dell'episcopato, del clero e dello stesso laicato cattolico.

Va inoltre osservato che il Nord d'Italia non rappresenta e non rappresentava per nulla una realtà omogenea. Oltre alle tradizionali particolarità culturali delle varie regioni, che avevano radici storiche profonde, era dato di riscontrare significative differenze in ambito economico: accanto ad aree altamente industrializzate, come il triangolo Milano, Genova, Torino, ne esistevano altre che stavano conoscendo una industrializzazione a macchia di leopardo, come parte del Veneto[4] e varie altre ad economia prevalentemente se non

[1] Il concetto di Resistenza, inteso esclusivamente come Resistenza armata, è stato messo in discussione, in anni vicini a noi, da C. Pavone. Una guerra civile. Saggio storico sulla moralità della Resistenza. Torino: Bollati Boringhieri, 1991; In questa prospettiva si pongono pure G.E. Rusconi, Resistenza e postfascismo. Bologna; Il Mulino, 1995; *Scoppola P.* 25 aprile. Liberazione. Torino: Einaudi, 1995; Ibid. Resistenza e mondo cattolico // Humanitas, L, n. 1, febbraio 1995. P. 154160. Importanti contributi in questa direzione sono venuti pure dalla storiografia di genere. Cfr. in particolare A. Bravo, A. M. Bruzzone // Guerra senza armi. Storie di donne. 1940–1945. Roma-Bari: Laterza, 1995.

[2] Cfr. in proposito le interessanti osservazioni di A. Parisella, Cattolici, guerra civile, guerra di liberazione // Guerra, guerra di liberazione, guerra civile, a cura di M. Legnani e F. Vendramini, Milano, Franco Angeli. 1990. P. 433–457 e; *Scoppola P.* Resistenza e mondo cattolico cit. P. 154 ss.

[3] Su questo tema si è soffermato in particolare in I cattolici e la Resistenza: ipotesi interpretative e percorsi di ricerca // Cattolici e Resistenza nell'Italia settentrionale, a cura di B. Gariglio. Bologna; Il Mulino, 1997. P. 306.

[4] Per questi aspetti si rinvia a E. Brunetta. La società veneta e la Resistenza // I cattolici e la Resistenza nelle Venezie, a cura di G. De Rosa. Bologna: Il Mulino, 1997. P. 182 ss.

esclusivamente agricola, come vaste zone collinari e montane, le più interessate dalla Resistenza. Esistevano inoltre aree a cattolicesimo «forte», come il Veneto, il Bergamasco e il Bresciano, ed aree che avevano conosciuto significativi processi di secolarizzazione, come l'Emilia-Romagna, parte del Piemonte, della Liguria e della Lombardia.[5] A ciò si aggiungano ad Ovest e ad Est i problemi delle minoranze. Ciò ebbe riflessi particolarmente rilevanti lungo il confine orientale.

La Venezia Giulia, già nella primavera del 1942, conosceva l'emergere della Resistenza armata, «che trovava appoggi e basi di reclutamento nei villaggi sloveni e croati […] arrivando sino ai bordi orientali della provincia di Udine».[6] Come è stato osservato, accanto alla guerra di liberazione, civile e di classe, la Resistenza si manifestava qui in una quarta forma: il conflitto interetnico.[7] Già il 15 aprile 1943, in una lettera a Mussolini, «i vescovi di Trieste, Gorizia, Fiume e Parenzo-Pola condannavano le distruzioni e i rastrellamenti su cui si basava l'azione antipartigiana». «Del tutto scontata» era «la deplorazione di quelli che venivano definiti "nemici dell'ordine", ma anche esplicita l'indicazione delle responsabilità del governo italiano»: «il trattamento usato a questi nostri diocesani scrivevano i vescovi — spesso non fu né umano né giusto». La condanna dei metodi usati nei confronti delle popolazioni verrà ripetuta da questi presuli il 14 marzo 1944. Essa costituirà la «base della *Notificazione* della conferenza episcopale triveneta del 20 aprile 1944».[8]

Più a Nord le province di Bolzano, Trento e Belluno furono staccate di fatto dall'Italia. Costituite nella Operationszone Alpenvorland — Zona di operazione delle Prealpi — furono totalmente sottratte alla giurisdizione fascista.[9]

«Le ragioni a cui ricorsero i tedeschi per dare una sanzione giuridica a questo nuovo istituto furono di ordine militare. Si voleva cioè creare un territorio in cui l'amministrazione efficiente, le meno pesanti condizioni di vita delle popolazioni

---

[5] Sull'evoluzione della pratica religiosa negli anni della guerra e dell'immediato secondo dopoguerra cfr. J.-D. Durand, L'Église catholique dans la crise de l'Italie (1943–1948). Roma: Ecole Française, 1991. P. 241 ss. Inoltre: *Malgeri F.* La Chiesa italiana e la guerra (1940–45). Roma: Studium, 1980. P. 63 ss.

[6] *Ferrari L.* Il clero del Friuli e della Venezia Giulia di fronte all'occupazione (1943–1945) // Qualestoria. XXIII, n. 3, dicembre 1995. P. 4.

[7] Su questo tema si è soffermato in particolare F. Salimbeni, Introduzione // I cattolici e la Resistenza nelle Venezie cit. P. 9 ss.

[8] *Ferrari L.* Il clero cit. P. 5.

[9] *Vadagnini A.* Dalla guerra alla Resistenza / P. Piccoli e A. Vadagnini. Il movimento cattolico trentino dalle origini alla Resistenza (1944–1945). Trento: Centro di cultura A. Rosmini, 1989[2]. P. 489 ss.

civili garantissero la tranquillità, un rifornimento sicuro per il fronte, e, nello stesso tempo, un'ultima barriera difensiva della Germania in caso di ritirata».[10]

Sempre per conseguire tali obiettivi il territorio venne dotato di forme di autonomia. Per esempio, nel caso della provincia di Trento venne nominato commissario-prefetto, Adolfo de Bertolini, una nota personalità del mondo politico locale, «di orientamento liberale, che durante il ventennio non si era mai compromesso col fascismo».[11] Egli venne scelto immediatamente come interlocutore reale dalla Chiesa trentina, in una situazione non priva di equivoci.

Questa realtà, già di per sé articolata, si veniva progressivamente frammentando per effetto del conflitto, ed in particolare della guerra aerea, per la prima volta condotta in forme così devastanti, che aveva distrutto città, reso malagevoli e insicuri, strade, ponti, ferrovie.[12]

In questa situazione di progressiva disgregazione, come nei secoli bui del medioevo, la Chiesa istituzionale svolgeva una funzione unificante. «In previsione di una interruzione delle comunicazioni», la S. Sede aveva sottolineato «la funzione dei vescovi metropolitiani come garanti di una "uniformità di atteggiamenti e di indirizzi" dell'episcopato e del clero».

Le indicazioni che giungono ai vescovi dell'Italia settentrionale da parte vaticana, prima e dopo l'interruzione delle comunicazioni dirette, sono state così sintetizzate da Liliana Ferrari: «In un conflitto non più definibile, per dimensioni e parti in causa, se non come epocale momento di espiazione l'equidistanza diventa l'unica scelta praticabile. Ai vescovi Roma chiede di agire con "pastorale prudenza", evitando compromissioni, ma anche l'immobilismo: fare fronte alla transazione accentuando gli elementi di maternità universale con l'esercizio capillare dell'assistenza e della protezione senza discriminazioni. Ciò non significa rifuggire dal rapporto con i poteri del secolo, anzi vescovi e clero devono proporsi quali interlocutori ineludibili sul piano istituzionale. L'equidistanza lascia le mani libere per un uso sapiente della mediazione, al fine di garantire, in prospettiva, le migliori possibilità di presenza».[13]

---

[10] *Vadagnini A.* Esperienze, progetti e impegno politico dei cattolici trentini durante la Resistenza (1943–46) // I cattolici e la Resistenza nelle Venezie cit. P. 149.

[11] Ibid. Dalla guerra alla Resistenza cit. P. 490.

[12] Sui caratteri della guerra aerea nell'Italia Centro-settentrionale, ed in particolare in Lombardia, durante il conflitto, si vedano le interessanti osservazioni di A. Rastelli, I bombardamenti aerei nella seconda guerra mondiale // Italia contemporanea. Fasc. 195, giugno 1994. P. 309–342.

[13] *Ferrari L.* Il clero cit. P. 3–4.

Nel comportamento dei presuli non è dato di riscontrare differenze significative. Talora, tuttavia, i vescovi postconcordatari sembrano orientati più a destra dei presuli di antica nomina. In più casi vescovi di tendenze filofasciste furono chiamati a succedere a vescovi di tendenze nettamente antifasciste.

Le relazioni, tenute nel corso dei convegni di Torino e di Vicenza del giugno 1995 (cinquantesimo anniversario della fine del conflitto), hanno evidenziato che il comportamento dei vescovi che prima del 25 luglio 1943 (caduta del fascismo) avevano assunto una linea più marcatamente filofascista non si staccò molto da quello dei loro colleghi nell'episcopato. Fu semmai caratterizzato dopo l'8 settembre dello stesso anno (armistizio cogli anglo americani, ingresso dei tedeschi in Italia, nascita del governo fantoccio della Repubblica sociale italiana) da maggior riserbo, dal tentativo, sempre problematico, di mantenere una posizione *super partes* e soprattutto dalle difficoltà di percepire i processi in atto.[14]

Se si analizzano le carte prodotte dalle autorità naziste e fasciste, anche depurate dalle evidenti esagerazioni e imprecisioni, non si può negare che dopo 1'8 settembre parte non trascurabile del clero si sia impegnata in senso contrario alle loro attese. Che ciò potesse avvenire — ha scritto Giorgio Vecchio — *contro* le indicazioni dei singoli vescovi appare alquanto improbabile. Si può semmai pensare che i vescovi meno attenti all'evoluzione delle cose e meno sensibili alle urgenze del momento — comprese quelle politiche — si siano trovati scavalcati dai fatti e abbiano finito per tollerare uno stato di cose tutt'altro che previsto.[15]

La molla che portò una parte del mondo cattolico ad aderire alla Resistenza «in senso ampio», alla «Resistenza civile», fu innanzi tutto la carità.

Essa ebbe la manifestazione più diffusa nel soccorso ai perseguitati: agli ebrei, agli ex prigionieri alleati, ai militari italiani ricercati dopo l'armistizio: «Absconde fugientes et vagos ne prodas», recitava la lettera pastorale collettiva dei vescovi piemontesi per la Pasqua del 1944.[16] Ma già anche prima «parrocchie e istituti religiosi avevano offerto» agli ex prigionieri alleati, fuggiti dai campi di

[14] Cfr. soprattutto: Ferrari L. Il clero del Friuli cit. P. 11; *Vadagnini A.* Esperienze, progetti e impegno politico cit. P. 154 ss.; *Trionfini P.* Esperienze e apettative dei cattolici emiliani tra guerra, Resistenza e dopoguerra (1940–1946) // Cattolici e Resistenza nell'Italia settentrionale cit. P. 207–210; *Vecchio G.* L'episcopato e il clero lombardo tnella guerra e nella Resistenza (1940–1945); Ibid. P. 4; Inoltre: *PariseIla A.* Cattolici, guerra civile, guerra di liberazione cit. P. 443–444.

[15] Cfr. in particolare: *Vecchio G.* L'episcopato e il clero lombardo cit. P. 79–86.

[16] *Marchis R.* Le relazioni dei parroci su guerra e Resistenza nella diocesi di Torino // Cattolici, guerra e Resistenza cit. P. 109; Il testo della lettera pastorale collettiva è stato recentemente pubblicato in Lettere pastorali dei vescovi torinesi, a cura di W. Crivellin e G. Tuninetti // Quaderni del Centro studi C. Trabucco. Fase. 17, maggio 1992. P. 131–144 (cit. a p. 141).

concentramento, «nascondigli sicuri in cui attesero il momento dell'espatrio o la cessazione delle ostilità».[17] Analogamente e su scala anche più vasta — curati, suore, religiosi fecero dopo 1'8 settembre per i soldati italiani, intrecciando talora abilmente la propria opera con la disponibilità delle zone agricole ad assorbire manodopera. Notevole fu pure 1'aiuto prestato agli ebrei, i «maggiori tra i perseguitati», sebbene esso avesse spesso preso 1'avvio «da posizioni tradizionali nel mondo cattolico», che non rinunciava a rimarcare le distanze dagli israeliti.[18]

Non è possibile soffermarsi su singoli casi che videro impegnati vescovi, sacerdoti, religiosi, laici; accennerò semplicemente ad alcune delle reti di salvataggio, che vennero utilizzate o attivate negli anni 1943–1945.

La prima di queste faceva capo alla curia genovese e al «programma di intervento a favore degli ebrei organizzato dall'arcivescovo», card. Boetto, per conto della Delegazione assistenza emigrati ebrei (Delasem).[19] «La curia genovese infatti, dopo 1'8 settembre '43 aveva proseguito in condizioni di clandestinità e con una precaria organizzazione 1'attività della Delasem, coprendo prevalentemente le regioni del Nord»[20]. L'operazione era stata affidata dall'arcivescovo di Genova al suo segretario, don Francesco Repetto: «Appena assunto il controllo della "Delasem", il primo lavoro svolto da un gruppo di sacerdoti genovesi, scelti da don Repetto ed affiancati da alcuni animosissimi dirigenti ebraici, fu quello di prendere gli opportuni contatti con i vescovi di parecchie diocesi dell'Italia occupata, dove risultavano gruppi di ebrei, per

[17] *Marchis R.* Le relazioni dei parroci cit. P. 109; Inoltre: *Tramontin S.* I cattolici e la Resistenza // Storia del movimento cattolico in Italia, diretta da F. Malgeri. Roma: Il Poligono, 1981. Vol. IV. P. 408 ss.; *Gios P.* Resistenza, parrocchia e società nella diocesi di Padova. 26 luglio 1943–2 maggio 1945. Padova:Marsilio, 1981. P. 39 ss.

[18] Cfr. *Carlotti A.* Il laicato cattolico in Lombardia e la lotta di liberazione // Cattolici e Resistenza nell'Italia settentrionale cit. P. 144; *Ferrari F.* Il clero cit. P. 15; *Gios P.* Il clero padovano durante la guerra e la lotta di liberazione // I cattolici e la Resistenza nelle Venezie cit. P. 39 ss.; *Marchis R.* Guerra e Resistenza nelle posizioni della curia torinese // L'insurrezione in Piemonte cit. P. 279 ss.; *Tramontin S.* I cattolici e la Resistenza cit. P. 406–407; *Vecchio G.* L'episcopato e il clero lombardo cit. P. 146–149.

[19] Cfr. *Carlotti A.* Il laicato cattolico in Lombardia e la lotta di liberazione // Cattolici e Resistenza nell'Italia settentrionale cit. P. 144; *Ferrari F.* Il clero cit. P. 15; *Gios P.* Il clero padovano durante la guerra e la lotta di liberazione // I cattolici e la Resistenza nelle Venezie cit. P. 39 ss.; *Marchis R.* Guerra e Resistenza nelle posizioni della curia torinese // L'insurrezione in Piemonte cit. P. 279 ss.; *Tramontin S.* I cattolici e la Resistenza cit. P. 406–407; *Vecchio G.* L'episcopato e il clero lombardo cit. P. 146–149.

[20] *Crivellin W.* I fatti di Castelvecchio tra guerra e Resistenza, in Cattolici, ebrei ed evangelici nella guerra. Vita religiosa e società. 1939–1945, a cura di B. Gariglio e R. Marchis. Milano: Franco Angeli, 1999. P. 155.

organizzare la consegna dei fondi, la segnalazione dei nominativi e l'affidamento dei compiti per l'assistenza *in loco*».[21]

Tra i principali collegamenti stabiliti risultava la curia del capoluogo piemontese. Nel mese di agosto del 1944 veniva scoperta una parte della rete torinese. Le responsabilità del cardinal Fossati «risultavano provate, non solo per la diretta implicazione nel caso del suo segretario mons. Barale, ma anche dal contenuto delle missive sequestrate nelle operazioni di polizia, che lo chiamavano in causa».[22] Vi fu l'arresto di Barale e di altri 5 sacerdoti, due dei quali presto rilasciati a causa dell'età avanzata. Grazie alla mediazione di mons. Giuseppe Bicchierai, segretario dell'arcivescovo di Milano, subito interpellato, si ottenne per i quattro sacerdoti, inizialmente incarcerati nel braccio tedesco delle carceri Nuove di Torino, il domicilio coatto presso l'Istituto Sacra Familia di Cesano Boscone, dove già si trovavano confinati altri sacerdoti responsabili di attività antifascista e antinazista.[23] Solo nell'ottobre «si ebbe la chiusura definitiva della vicenda con la liberazione degli accusati, auspice la volontà del nuovo comandante tedesco della piazza di Torino, che all'atto di assumere l'incarico — volle presentarsi agli ambienti cittadini con un gesto di distensione che gli facilitasse i compiti che lo attendevano».[24]

Particolare rilievo assunse inoltre l'organizzazione clandestina nota col nome di Oscar («Opera scautistica cattolica aiuto ai ricercati», poi «Organizzazione soccorso cattolici antifascisti ricercati»). Essa venne ideata dai responsabili delle «Aquile Randage» milanesi, l'organizzazione cattolica scautistica divenuta clandestina, dopo il definitivo scioglimento dell'Asci (Associazione scoutistica cattolica italiana) nel 1928.[25] Ad essa collaborarono giovani provenienti dalle file dell'Azione cattolica e della Fuci **(Federazione universitaria cattolica italiana)** e si resse grazie all'opera di alcuni sacerdoti ambrosiani: don Giovanni Barbareschi, don Andrea Ghetti, don Aurelio Giussani, don Enrico Bigatti, don Natale Motta. Circa 2.000 furono gli espatri curati dai «contrabbandieri di Dio», come furono pure chiamati (prigionieri di guerra, ebrei, ricercati politici…)

[21] *Brizzolari C.* Genova nella seconda guerra mondiale. Una città in guerra (1938–'43). Genova;Valenti, 1978. VoI. II. P. 66.

[22] *Marchis R.* Guerra e Resistenza nelle posizioni della curia torinese cit. P. 295.

[23] Cfr. *Vecchio G.* L'episcopato e il clero lombardo cit. P. 120–121 e; *Tuninetti G.* Clero, guerra e Resistenza nella diocesi di Torino (1940–1945). Nelle relazioni dei parroci del 1945. Casale Monferrato: Piemme, 1996. P. 46.

[24] *Marchis R.* Guerra e Resistenza cit. P. 295.

[25] Cfr. *Vecchio G.* L'episcopato e il clero lombardo cit. P. 106.

e 3.000 i documenti falsi distribuiti.[26] Il gruppo ebbe alcuni membri catturati, altri caduti, come Nino Verri, fucilato il 16 aprile 1944.[27]

Per il Padovano, Pierantonio Gios ha ricostruito la rete costituita da don Mario Zanin e il tentativo messo in atto da padre Domenico Artero, di salvare i prigioneri di guerra angloamericani dislocati nei diciotto campi di lavoro alla periferia di Padova. Il tentativo coinvolse molti laici ed ecclesiastici; portò tra l'altro all'arresto di don Giovanni Fortin, primo dei sacerdoti italiani deportati nel campo di concentramento di Dachau.[28]

In effetti la Resistenza «civile» non presentava meno rischi della Resistenza armata.

In quest'opera si segnalano alcuni segretari di vescovi: Giuseppe Bicchierai per Milano,[29] Vincenzo Barale per Torino,[30] Francesco Repetto per Genova.[31] Per gli aspetti più rischiosi della loro attività assistenziale, taluni presuli sembrano far ricorso a questi collaboratori diretti e fidati, prescindendo dalla curia, sede del governo ordinario della diocesi, che non si voleva compromettere. Il fatto è particolarmente evidente a Torino, dove il card. Fossati si avvalse per le operazioni più delicate, oltre che del segretario mons. Barale, del parroco del duomo, mons. Giuseppe Garneri, futuro arcivescovo di Susa e di Pompeo Borghezio, parroco di San Massimo, prima segretario, poi, dall'autunno 1943 presidente del Collegio Parroci della città.[32]

Da queste forme di Resistenza «civile» una parte significativa del clero era tratta ad assumere posizioni che implicavano un sostegno almeno indiretto alla lotta armata. Si andava dal rifornimento dei viveri all'occultamento delle

---

[26] *Bianchi G.* I cattolici // Valiani L., Bianchi G., Ragionieri E. Azionisti; cattolici e comunisti nella Resistenza. Milano: Franco Angeli, 1971. P. 212–213; *Carlotti A.* Il laicato cattolico cit. P. 148; *Vecchio G.* L'episcopato e il clero lombardo cit. P. 106.

[27] Carlotti A. Il laicato cattolico cit. P. 148.

[28] Cfr. *Gios P.* Resistenza, parrocchia e società cit. P. 42 ss; Tra le reti di salvataggio, merita ancora di essere ricordato il «gruppo Frama», in cui ebbero parte essenziale i professori Ezio Franceschini e Concetto Marchesi. Su tale gruppo cfr. // Ibid. Il clero padovano cit. P. 54.

[29] Si vedano in particolare G. Bianchi. I cattolici cit. P. 215–216; *Carlotti A.* Il laicato cattolico cit. P. 168; *Vecchio G.* L'episcopato e il clero lombardo cit. P. 120–121.

[30] Cfr. *Gariglio B.* I cattolici piemontesi nella guerra e nella Resistenza // Cattolici e Resistenza nell'Italia settentrionale cit. P. 21 ss.; *Tuninetti G.* Clero, guerra e Resistenza cit. P. 42 ss.

[31] Cfr. *Varnier G. B.* Un vescovo per la guerra cit. P. 39–41 e; *Crivellin W.* I fatti di Castelvecchio cit. P. 155 1 159.

[32] Al riguardo si vedano le interessanti osservazioni di G. Tuninetti, Clero, guerra e Resistenza cit. P. 53; Al riguardo si vedano le interessanti osservazioni di G. Tuninetti. Clero, guerra e Resistenza cit. P. 53.

armi; dalla custodia di documenti compromettenti alla diffusione della stampa clandestina; dall'ospitalità offerta ai partigiani all'assistenza e cura dei feriti. In molti casi vennero trasmesse informazioni decisive ai fini della sopravvivenza di individui o di formazioni: si pensi nelle località di montagna alla importanza delle notizie che giungevano dalla valle.[33] Gli edifici ecclesiastici, poi, si aprirono in maniera molto estesa alle riunioni degli organismi resistenziali.[34]

Secondo Gios che ha studiato i *liber chronicus* della diocesi di Padova, il passaggio dalla Resistenza «civile» a forme di fiancheggiamento della Resistenza armata è un processo che si dipana lungo l'autunno-inverno del 1943 e può dirsi ormai concluso nella tarda primavera del 1944, quando in diocesi, come in tutta l'Italia settentrionale, la Resistenza stava ormai assumendo dimensioni quantitativamente rilevanti.[35]

Talora saranno proprio sacerdoti e parroci a farsi promotori della prima giunta del Cln (Comitato di liberazione nazionale) del paese.

Membri del clero furono talora presidenti di giunte Cln. Il caso più importante è quello di mons. Edoardo Marzari a Trieste. Nato nel 1905, dopo una attiva militanza nel movimento scautista e nell'Azione cattolica, maturava una vocazione adulta. Egli completava la sua preparazione religiosa a Roma dove fu ospite del Collegio Capranica e si laureava in teologia presso la «Gregoriana». Ordinato sacerdote nel 1932, fu direttore del settimanale della diocesi di Trieste, carica da cui venne allontanato per le coraggiose posizioni assunte nei confronti del fascismo; fu, quindi, assistente spirituale della Fuci e direttore della sezione locale dell'Icas (Istituto cattolico attività sociale).[36] Egli svolse un ruolo importante nella Resistenza triestina, ricoprendo la carica di presidente di tre successivi Cln giuliani dal giugno 1944 al maggio 1945, «fatto salvo il periodo compreso fra il febbraio e l'aprile dell'ultimo anno di guerra quando venne arrestato e conobbe la tortura e le carceri nazifasciste».[37] Alla carica di presidente del Cln giuliano era stato chiamato su proposta del comunista Luigi Frausin.[38]

---

[33] Cfr. *Gios P.* Il clero padovano durante la guerra e la lotta di liberazione cit. P. 64 ss.; *Tramontin S.* I cattolici e la Resistenza cit. P. 414 ss.; *Vecchio G.* L'episcopato e il clero lombardo cit. P. 107.

[34] Si veda, per esempio: *Gios P.* Il clero padovano cit. P. 67ss; *Vadagnini A.* Dalla guerra alla Resistenza cit. P. 268 ss.; *Vecchio G.* L'episcopato e il clero lombardo cit. P. 144.

[35] Cfr. *Gios P.* Resistenza, parrocchia e società cit. P. 65 ss. e 109 ss.

[36] *Spazzali R.* Don Edoardo Marzari: un sacerdote a capo della Resistenza italiana a Trieste // I cattolici e la Resistenza nelle Venezie cit. P. 316–318.

[37] Ibid. P. 313.

[38] Ibid. P. 323.

Negli anni della guerra e della Resistenza muta la figura stessa del sacerdote. «L'essersi trovati in diverse circostanze a condividere gli stessi pericoli, ad essere parte degli stessi dolori, portò il clero ad un'immedesimazione più stringente coi destini della propria parrocchia». Si attenuò la tendenza a vedere in essa «un territorio ben definito e delimitato, un numero preciso di anime, una serie rituale di momenti» che ne esprimevano la vita religiosa, «un insieme di beni che costituivano il patrimonio» e ne venne valorizzata la dimensione spirituale e comunitaria.[39]

Anche la «predicazione dovette essere maggiormente adeguata e ritagliata sui bisogni» dei fedeli. «La silloge delle prediche buone per tutte le occasioni e per tutte le feste rimase nel periodo 1940–1945 sottoutilizzata. Il procedimento "sistematico" di edurre i fedeli con catechesi che facevano leva sui principi del cristianesimo venne affiancato da una sensibilità più "pastorale", più disponibile a tener conto del dato storico, della concretezza della vita delle persone».[40] «Anche la liturgia dovette adeguarsi all'emergenza del momento, contribuendo ad avvicinare celebrante e fedeli».[41] «La messa in questi casi — ha scritto Paolo Trionfini — non era più vissuta come un obbligo da assolvere ma come un momento carico di significati».[42]

Questi ha osservato come in talune diocesi emiliane, giovani sacerdoti inviati secondo la prassi nell'Appennino, in parrocchie «dalle dimensioni ridotte e con un beneficio non del tutto rassicurante», come «banco di prova per verificarne le doti pastorali», finirono per identificarsi talmente colle loro comunità, che vi rimasero anche nel dopoguerra, invece di passare, com'era prassi nelle più importanti parrocchie di pianura.[43]

---

[39] *Trionfini P.* Esperienze e aspettative dei cattolici emiliani cit. P. 252.

[40] Ibid. P. 253; Ma su questo tema si veda pure A. Vadagnini, Esperienze, progetti e impegno politico dei cattolici trentini cit. P. 172; Dedica interessanti pagine alla evoluzione della predicazione negli anni della guerra, della Resistenza e dell'immediato secondo dopoguerra J.-D. Durand, L'Église catholique dans la crise de l'Italie cit. P. 411–449; Per i mutamenti che avvengono nella teologia e nella pratica pastorale nel periodo resistenziale cfr. pure M. Guasco, Proposte per una ricerca su ideologia e pratica della Resistenza nel mondo cattolico // La Resistenza dei cattolici sulla Linea Gotica, a cura di S. Tramontin. Sansepolcro, Ediz. Cooperativa culturale «G. La Pira», 1983; ora in Ibid. Politica e religione nel Novecento italiano. Momenti e figure. Torino: Il Segnalibro, 1988. P. 250–251 e passim.

[41] *Trionfini P.* Esperienze e aspettative dei cattolici emiliani cit. P. 254–55.

[42] Ibid. P. 255.

[43] Ibid. P. 258.

Cambia la figura del sacerdote, cambia la realtà della parrocchia. Molto si è scritto sulle canoniche di guerra, ma particolarmente efficace mi pare una pagina di don Primo Mazzolari: «Venivano da ogni dove, a qualsiasi ora, sotto i nomi più misteriosi. Il prete apriva la porta, ricoverava, animava, consigliava, senza chiedere nulla, senza sapere chi fossero, donde venissero, quale fede politica li sorreggesse. E spesso era il primo che andava dentro, prelevato all'alba, mentre suonava l'Ave Maria, come un malfattore».[44]

Mentre numerosi furono i sacerdoti che avrebbero avuto diritto al diploma di partigiano — Lorenzo Bedeschi analizzando il caso della Romagna giunge a dire «quasi tutti»[45] — relativamente pochi furono coloro che ne fecero domanda. Su tale decisione influirono ragioni diverse: dal motivo mistico della «soddisfazione per l'offerta silenziosa»; dal «disgusto per l'arrembaggio di riconoscimenti ufficiali» che si era verificato nel dopoguerra; a «motivi etici e sociali come l'opportunità di non legarsi ad associazioni talvolta localmente forse mal rappresentate».[46]

Molto importante per i giovani cattolici nella scelta di non rispondere ai bandi fascisti e di andare in montagna fu il consiglio, talora problematico e sofferto del sacerdote,[47] in alcuni casi del parroco, più spesso dell'assistente spirituale del circolo o del «prete dell' oratorio».[48]

È stata sottolineata la solitudine in cui avvenne la scelta resistenziale, demandata alla coscienza dei singoli credenti.[49] Ma spesso essa non avvenne nella completa solitudine. «Vi era […] una tela associativa che nel corso della guerra si era allentata, ma che non si era lacerata e che, in quei frangenti, svolgeva una funzione protettiva verso il singolo. Le scelte di tanti cattolici […] a favore della lotta armata — ha scritto Paolo Trionfini — vennero, in quei momenti,

---

[44] *Mazzolari P.* Accettiamo la battaglia. Milano: Martini e Chiodi, 1947. P. 22; Ma sulla «canonica di guerra» si vedano pure le interessanti osservazioni di A. Vadagnini, Esperienze, progetti e impegno politico cit. P. 170–172.

[45] *Bedeschi L.* Clero e laicato di Romagna: 1940–1945 // Cattolici e Resistenza nell'Italia settentrionale cit. P. 190.

[46] Ibid. P. 188.

[47] Cfr. *Traniello F.* Il mondo cattolico nella seconda guerra mondiale // L'Italia nella seconda guerra mondiale e nella Resistenza / a cura di F. Ferratini Tosi, G. Grassi, M. Legnani. Milano: Franco Angeli, 1988; ora in Ibid. Città dell'uomo. Cattolici, partito e Stato nella storia d'Italia. Bologna: Il Mulino, 1990. P. 209.

[48] Vecchio G. L'episcopato e il clero lombardo cit. P. 109 e passim.

[49] Cfr. *Guasco M.* Proposte per una ricerca su ideologia e pratica della Resistenza nel mondo cattolico cit. P. 241 e 250–251 e; *Traniello F.* Il mondo cattolico nella seconda guerra mondiale cit. P. 209.

mediate, filtrate, supportate dall'universo variegato dei gruppi parrocchiali e/o diocesani. Questo insieme di esperienze […] si presentava come un reticolo dalle maglie larghe, ma dai nodi stretti, come una realtà, cioè, che non coartava le individualità, ma che presupponeva una forte identificazione».[50]

Ma la presenza di cattolici e talora di sacerdoti in formazioni comuniste è segnalata in tutte le regioni del Nord. In alcuni casi vi raggiunsero gradi di rilievo, come l'ufficiale del genio, Aldo Gastaldi *(Bisagno),* comandante della divisione garibaldina Cichero sull'Appennino ligure.[51]

Talora i parroci preferirono dar luogo, per lo più con giovani di Aci (Azione cattolica italiana) a piccole bande, che operavano nel territorio stesso della parrocchia e in quelle limitrofe e che sembravano avere caratteristiche di autodifesa, più che di combattimento, e di polizia rurale.[52]

Il passaggio alla Resistenza in più di un caso fu accompagnato o seguito da un approfondimento delle tematiche sociali, alla luce del pensiero della Chiesa. È questo un ambito in cui si manifestava un «rinnovato attivismo» dell'Aci a livello nazionale, soprattutto a partire dalla metà del 1943.[53] Si tratta di temi che vennero recepiti in tempi e forme diversi, a seconda delle differenti situazioni socio-economiche locali, con qualche ritardo nelle diocesi periferiche e montane, con anticipo nei maggiori centri urbani e industriali.[54] Era del resto un settore che diventava strategico ai fini degli assetti del dopoguerra e dei problemi della ricostruzione. Su di esso non mancavano di intervenire vari vescovi, da Schuster a Fossati, muovendosi sostanzialmente nella linea della *Quadragesimo anno.*[55]

Ai primi di luglio del 1943 si svolgeva a «Reggio Emilia un Convegno per gli assistenti ecclesiastici di Azione cattolica provenienti dalle varie diocesi».[56] Relatore sulla questione sociale fu Paolo Emilio Taviani, allora cristiano-sociale, che sostenne tra l'altro: «Spetta a noi cattolici, che crediamo nella democrazia e nei principi sociali, una grande responsabilità nel raccogliere l'eredità del fascismo». E ancora: «la Resistenza al fascismo, più che come un desiderio, si impone

---

50 *Trionfini P.* Esperienze e aspettative cit. P. 267–268.

51 Cfr. *Bianchi G.* I cattolici cit. P. 275–276; *Tramontin S.* I cattolici e la Resistenza cit. P. 463.

52 Cfr., per esempio, su due realtà molto diverse come quelle delle diocesi di Torino e di Trento le osservazioni di R. Marchis, Le relazioni dei parroci cit. P. 113 e; *Vadagnini A.* Esperienze, progetti e impegno politico dei cattolici trentini cit. P. 175–177.

53 Cfr. *Traniello F.* Il mondo cattolico nella seconda guerra mondiale cit. P. 191.

54 Cfr. al riguardo: *Durand J-D.* L'Église catholique cit. P. 61 ss. e 471 ss.

55 Si veda: *Bocchini Camaiani B.* Vescovi e parroci durante la resistenza cit. P. 261–262.

56 *Bianchi G.* I cattolici cit. P. 164.

come una realtà».[57] Questo rinnovato impegno si tradusse in forme di studio, di approfondimento, di divulgazione. Fra i tanti esempi sono l'attività formativa svolta nell'ambito di sociologia cristiana da Carlo Messori a Padova, l'approfondimento della dottrina sociale della Chiesa tramite dei gruppi di formazione nel Trentino, la pubblicazione dal mons. Santin del settimanale diocesano «Vita Nuova» a Trieste i cui articoli avevano «vasta eco in tutta la regione».

In varie località si potenzia l'Icas. Si sviluppa l'Opera nazionale per l'assistenza religiosa e morale degli operai (Onarmo).[58] Quasi dappertutto essi si mossero in modo tradizionale, ad eccezione di Torino dove il nucleo di sacerdoti che diede vita a tale esperienza, seppe superare il modello caritativo ed assistenziale dell'Onarmo, e venne assimilando e facendo proprio il modello della JOC (Jeunesse ouvrière catholique) francese e belga.[59]

Nella prima fase, pionieristica, dell'iniziativa ebbe un ruolo preponderante un'interessante figura di sacerdote, don Giuseppe Pollarolo, che stabilì più di un rapporto con l'Aci. Dopo il suo arresto da parte dei fascisti nel giugno 1944, la sua successiva fuga sui monti e l'impegno a fianco della Resistenza, merito di Fossati fu quello di affidare la presenza in fabbrica ad un gruppo di sacerdoti tratti dai missionari di S. Massimo, sganciati da qualsiasi ministero parrocchiale e conducenti vita comunitaria. Questi avviarono tentativi di rapporto con la classe operaia in forme non convenzionali.[60]

Nei maggiori stabilimenti i raggi di fabbrica promossi dall'Azione cattolica tendono a saldarsi col rinascente sindacalismo cristiano.

Questo rinnovato attivismo «svelava la consapevolezza di un grave ritardo da colmare», «ma per i modi un po' affannosi in cui si realizzava, per la venatura molto spesso assistenzialistica e devozionale» che lo caratterizzava, era rivelatore della «complessiva debolezza culturale accumulata […] circa le dimensioni reali della "questione operaia"».[61]

Nel frattempo il mondo cattolico si veniva muovendo anche sul piano politico. Dopo una serie di contatti informali, il 29 settembre 1942 si teneva sulla collina torinese nei pressi della basilica di Superga una riunione, a cui partecipavano una quarantina di esponenti del cattolicesimo piemontese e lombardo.

---

[57] Ibid.

[58] Su questi aspetti cfr. in particolare J.-D. Durand. L'Église catholique cit. P. 474 ss.

[59] Si veda: *Bertini-S. Casadio B.* Clero e industria a Torino // Ricerca sui rapporti tra clero e masse operaie nella capitale dell'auto dal 1943 al 1948. Milano: Franco Angeli, 1979. P. 69–82.

[60] Ibid. P. 51–52, 80–82 e 103.

[61] *Traniello F.* Il mondo cattolico nella seconda guerra mondiale cit. P. 191–192.

Agli inizi del luglio 1943, a Milano si costituiva il Comitato del Partito Democratico Cristiano (Dc) per il Nord Italia. Il manifesto programmatico, definito in seguito «Programma di Milano», venne fatto stampare in un milione di copie dall'industriale Enrico Falck. Esso venne distribuito in tutta Italia durante i quarantacinque giorni.[62]

Esponenti della Dc parteciparono ai Comitati di opposizione al fascismo, che sorsero nei maggiori centri tra l'autunno 1942 e la metà del 1943. Si pose il problema della collaborazione coi comunisti. Essa incontrò l'opposizione di taluni presuli, come Maurilio Fossati, arcivescovo di Torino, poi superata di fatto solo nel clima della Resistenza.[63]

Quasi dappertutto la nascita della Dc era frutto di «incontri e di discussioni tra persone appartenenti a gruppi in precedenza non collegati tra di loro»: ex popolari, dirigenti di Azione cattolica, esponenti della Fuci, i non molti «cattolici spontaneamente antifascisti».[64]

In effetti solo durante la Resistenza si riuscì a gettare il ponte tra ex popolari e la nuova generazione di giovani cattolici, cresciuti durante il fascismo, che si stavano affacciando proprio allora alla maturità. Il problema era avvertito da De Gasperi con tanta urgenza, che venne richiamato nel preambolo delle *Idee ricostruttive della Democrazia Cristiana*.[65]

Dall'Azione cattolica venne un aiuto consistente alla organizzazione del nuovo partito. Pressoché in tutte le diocesi i presuli tollerarono l'uso di sedi religiose e di locali parrocchiali per le riunioni politiche. Come si è visto, in taluni casi sacerdoti rappresentarono la Dc nei Cln 1ocali.[66]

L'esperienza dei totalitarismi rafforzava la tendenza della Chiesa all'impegno in campo politico, tendenza che sarebbe proseguita nel secondo dopoguerra.

Il rinnovato impegno dei cattolici in ambito politico e sociale si traduceva in una partecipazione più consapevole alla Resistenza; ma essi guardavano oltre la guerra, avvertita come un periodo provvisorio e in fondo a loro poco congeniale; soprattutto prepararono il dopoguerra: risulterà la scelta vincente.

---

[62] *Bianchi G.* I cattolici cit. P. 162–163; *Carlotti A.* Il laicato cattolico cit. P. 141–144.

[63] Cfr.: *Gariglio B.* I cattolici piemontesi cit. P. 31.

[64] *Bianchi G.* I cattolici cit. P. 159–162 (cit. a p. 159); *Scoppola P.* La Democrazia Cristiana in Italia dal 1943 al 1947 // Storia e politica. XIV (1975). P. 177–178 e passim; *Tramontin S.* La Democrazia Cristiana dalla Resistenza alla Repubblica // AA. VV. Storia della Democrazia Cristiana / a cura di F. Malgeri. Roma: Cinque Lune, 1987. P. 17 ss.

[65] *Piccoli P.* I cattolici trentini dagli anni del consenso alla crisi del fascismo, in I cattolici e la Resistenza nelle Venezie cit. P. 130–131.

[66] Cfr., in particolare: *Tramontin S.* I cattolici e la Resistenza cit. P. 417 ss.; *Gariglio B.* I cattolici piemontesi cit. P. 24 e passim.